

доступу: http://old.prosv.ru/ebooks/lib/39_Tolstoi_Voina/T_4/

9. Філософія. Навчальний посібник та збірник текстів/ За редакцією М. Ф. Шмиголя. – Одеса: «Астропринт», 2003. - 135 с.

10. Хайдеггер М. Бытие и время. Электронный ресурс. Режим доступа: https://vk.com/doc39946534_321209542?hash=58b435989c7bc200e3&dl=87e99baa393fc98441

11. Попова О. В., Бердяев Н. А., и Ж.-П. Сартр: два полюса экзистенциальной философии // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» .– 2010. - №1.

12. Кремень В. Г. Філософія: мислителі, ідеї, концепції: Підручник / Кремень В. Г., Ільїн В. В. – К.: Книга, 2005. — 528 с.

13. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие/ В. Н. Лосский. М.: Центр «СЭИ», приложение к журналу «Трибуна», 1991.

14. Бердяев Н. А. Философия свободного духа/Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. - 480 с.

15. Скирбекк Г. История философии / Скирбекк Г., Гилье Н.. – Москва: ВЛАДОС, 2000. – 800 с.

Белявская Елена Константиновна – аспирантка философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

УДК 091

КАТЕГОРИЯ «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОМ ДОГОВОРЕ 944 ГОДА

Статья посвящена анализу представлений о пространстве Киевской Руси. В качестве объекта исследования выступает русско-византийский договор 944 года, который представлен в Повести временных лет. Существует значительное количество исследований как русско-византийских договоров, так и «Повести временных лет» в целом, однако пространственный аспект не был достаточно освещен. Категория пространства является неотъемлемым, а главное формирующим элементом мировоззрения любого человека. Особенность понимания и восприятия основных категорий картины мира могла влиять на развитие целого этноса или государства. Прделанная работа позволила выяснить существует ли в договоре пространственное мышление, и какова его структура.

Ключевые слова: категория, мировоззрение, пространство, русско-византийский договор 944 года, Киевская Русь.

КАТЕГОРИЯ «ПРОСТІР» У РУСЬКО-ВИЗАНТІЙСЬКОМУ ДОГОВОРІ 944 РОКУ

Стаття присвячена аналізу уявлень про простір Київської Русі. Як об'єкт дослідження виступає русько-візантійський договір 944 року, який представлений в Повісті временних літ. Існує значна кількість досліджень як русько-візантійських договорів, так і «Повісті временних літ» в цілому, однак просторовий аспект не був достатньо освітлений. Категорія простору є невід'ємним, а головне формоутворюючим елементом світогляду будь-якої людини. Особливість розуміння і сприйняття основних категорій картини світу могло впливати на розвиток цілого етносу або держави. Виконана робота дозволила з'ясувати чи існує в договорі просторове мислення, і яка його структура.

Ключові слова: категорія, світогляд, простір, русько-візантійський договір 944 року, Київська Русь.

THE CATEGORY «SPACE» IN THE RUSSIAN-BYZANTINE TREATY OF 944

The article is devoted to the analysis of ideas about the space of Kievan Rus. The object of the study is the Russian-Byzantine Treaty of 944, which is presented in «The Tale of Past Years». There is a good deal of research on both the Russian-Byzantine treaties and the «The Tale of Past Years» in general, but the spatial aspect was not sufficiently illuminated. The category of space is an integral part, and most important, forming unit of the worldview of any person. The peculiarity of understanding and perception of the main categories of the world view could influence on the development of a whole ethnos or state. The done work made it possible to find out whether spatial reasoning in the treaty exists, and what its structure is.

Key words: category, world view, space, Russian-Byzantine Treaty of 944, Kievan Rus.

Категория пространства является одним из основополагающих элементов мировоззрения современного человека. Сегодня мы понимаем пространство преимущественно как форму существования материи, таким его пониманием мы во многом обязаны А. Эйнштейну. Великий физик представил научные доказательства того, что пространство и время не являются объективными и независимыми от материи категориями. Но такое понимание господствовало не всегда, и вместе с тем пространство в любую эпоху являлось важнейшим компонентом представлений человека о мире.

В своем исследовании категорий средневекового мышления Гуревич отмечает, что разные области знания (будь то история или археология) оказываются связаны с пространством. Не менее важно понять, как субъективно переживалось пространство отдельными людьми в ту или иную эпоху. Причем в разных народах, государствах, городах, социальных слоях понимание пространства могло, и должно было отличаться. В зависимости от того, как именно понимались основные категории картины мира, мог зависеть ход развития целого этноса, народности, государства.

Нас интересуют представления о пространстве в Киевской Руси в их категориальном измерении. В данной статье материалом для анализа выступает русско-византийский договор 944 года, представленный в «Повести временных лет».

Цель данной статьи может быть определена как попытка реконструировать категориальные представления о пространстве на основе элементов, представленных в договоре. Соответственно, для этого необходимо выяснить, есть ли вообще в договоре пространственное мышление, и если оно там присутствует, то какова его структура, охарактеризовать составляющие элементы этой структуры.

При анализе текста русско-византийского договора 944 года мы будем опираться на вариант, представленный в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, Т. 1.) как наиболее полный. В данной статье текст воспроизводится с орфографическими упрощениями, ряд букв заменен близкими по звучанию буквами современного алфавита.

Данный договор был заключен после крайне неудачного похода князя Игоря на Константинополь, и был направлен на восстановление прежнего соглашения, вероятно, с некоторыми уступками со стороны Киевской Руси в пользу Византии.

Несмотря на значительное количество исследований как «Повести временных лет», так и договора 944 года – от уже ставших классическими работ А. А. Шахматова [17, 18], М. Д. Приселкова [12], Д. С. Лихачева [8], М. К. Алешковского [1] и других до современных, среди которых мы выделили бы работу А. П. Толочко [14] – пространственный аспект как Договора, так и «Повести» в целом не получил достаточного освещения. Множество высказанных предположений и гипотез относительно характера текста «Повести», истории ее создания и редактирования не могут получить освещение в данной статье, но нужно отметить, что едва ли не все исследователи, даже со столь радикально-критическим отношением к данному памятнику древнеславянской литературы как А. П. Толочко, соглашались с тем, что представленный в тексте «Повести временных лет» договор русских в греками 944 года

является изложением действительного документа, относящегося к середине X века, возможно, переведенного, в незначительной мере отредактированного, но в целом достоверного, дошедшего до нас в записи XIV века [2, С. 24].

Прежде всего, указываются стороны, заключающие договор. Одна сторона – византийские цари (цесари) – Роман, Константин и Стефан. Другая сторона обозначается как «мы» и дальше следует разъяснение: от рода русского послы и купцы. (**«Равно другога свещанья, бывшаго при цари Рамане и Костантине и Стефане, христолюбивых владыкъ, мы от рода Рускаго, съли и гостье»** [7, С. 46])

Далее идет перечисление этих «послов и купцов», при этом послы и купцы разделены: первыми названы послы, числом 25, затем купцы – 25. Отметим, что первые 7 послов выделены указанием на князя, которого они представляют. Особо выделен первый: **«Иворъ соль Игоревъ, великаго князя Рускаго»**; далее идут **«Вуефастъ Святославль сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги княгини Слуды Игорев, неги Игоревъ, Оулебъ Володиславль Каницаръ Передьславинъ Шихбернъ Сфандр, жены Улебле...»**[7, С. 46]. Интересно, что имена послов 7 – 25 состоят из двух имен, кроме 21 «Сфирка», после которого стоит знак «||», что означает начало новой страницы. Можно было бы предположить, что первые 6 имен (Ивор, Вуефаст, Искусеви, Слуды, Улеб, Каницар) даны кратко, потому что указывается, кого они представляют (Вуефаст от Святослава, Искусеви от княгини Ольги и т. д.). Но этому противоречит 7-е имя Шихберн Сфандр **«от жены Улеба»**. На двойственность имен стоит обратить внимание, потому что все 25 купцов, следующие далее имеют по одному имени.

На данном этапе мы видим несколько разделений сторон: византийская сторона представлена тремя императорами, порядок перечисления которых, несомненно, важен, но нас будет в меньшей степени волновать. На другой стороне мы видим двое критериев для деления – послы/купцы, среди послов выделены те, кто представляет князей и названы эти князья, и просто послы, статус которых не обозначен. Среди выделенных послов отметим особое положение Ивора (первого), как посла великого князя русского. Вынесение Ивора как посла великого князя на первое место, во-первых, а во-вторых, перечисление на первом месте «полномочных» послов (1 – 7), позволяет нам сделать заключение, что послы с 2 по 7 также расположены в порядке иерархии – в соответствии со статусом князя, которого они представляют. Стало быть, Святослав выше кн. Ольги, а Игорь, племянник Игорев выше Володислава. О порядке перечисления послов с 8 по 25 сказать нечего.

Этот фрагмент заключается указанием, что все перечисленные и послы, и купцы **«послани от Игоря, великаго князя Рускаго и от всякого княжья и от всехъ люди Руския земля»** [7, С. 47]. Тем самым вводится еще несколько понятий, кроме «великого князя русского» – все русские князья и все люди Русской земли, а тем самым и сама Русская земля. Эти стороны и заключают договор (**«утвердiti любовь»**) между греками и русскими.

На данном этапе мы можем сказать, что с самого начала договора возникает сложная система оппозиций, которая определяет как саму возможность заключения договора, так и его форму. Обе стороны договора стремятся к заключению союза, понимаемому в религиозно-нравственных категориях: дьявол, ненавидящий добро, разорвал бывший союз («любовь»). Об экономическом, политическом и других «рациональных» измерениях в этой части нет ни слова.

Таким образом, мы видим в качестве первой оппозиции противопоставление двух сторон – греков и русских. Далее, русская сторона представляет собой сложную организационную иерархию: во-первых, послы/купцы, во-вторых, среди послов, часть выстроена по важности представляемых ими князей – с 1 по 7.

Итак, можно сказать, что у нас есть пространство международных отношений, внутри которых существуют отдельно пространство Византии и пространство Киевской Руси. Также отметим пространство социальных отношений (социальная стратификация), где каждый класс (князь, посол, купец) выполняет свою исключительную роль.

Особо стоит выделить возникающий в данном тексте вопрос о представительстве.

Представительство чрезвычайно важная категория. Например, согласно Гоббсу, именно представительство позволяет осуществить трансформацию из естественного состояния в государство [3]. В данном случае представительство говорит нам об осознании сторонами своего статуса и своих интересов. Кем бы ни были эти послы – варягами, славянами, болгарами и т. д. – они выступают в договоре как уполномоченные представители Русской земли.

Итак, цель договора – **«обновити ветъхйи миръ и оутвердити любовь межю Греки и Русью»** [7, С. 47]. Отметим, что договор имеет временную характеристику, т. к. заключается **«на вся лета дондеже съяетъ солнце и весь миръ стоять»** [7, С. 47]. Далее речь идет о наказании того, кто эту «любовь» посмеет нарушить, причем только «от страны Руския». В самой же «стране» различают христиан и язычников, которые будут наказаны, независимо от бога, в которого они веруют. Те, кто **«крещенье прияли суть, да примуть месть от Бога вседержителя осуженья на погибель въ весь векъ в будущи ...»** [7, С. 47], а те, кто **«есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, дане оущитятся щиты своими, и да посечени будутъ мечи своими, от стрель и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь векъ в будущи»** [7, С. 47 – 48].

Похожей клятвой заканчивается договор, но в конце уже имеется наказание для стороны византийцев. Мы видим, что договор получает свое закрепление со стороны бога, независимо от различия вер. Бог для заключающих договор сторон не просто существует, но является организатором пространства и самым надежным гарантом. Не штрафы, санкции и даже смертная казнь, но гнев божий оказывается самым страшным и весомым наказанием, потому что имеет силу **«въ весь векъ в будущи»** [7, С. 53].

Интересно, что договор вступает в силу (становится легитимным) только после принесения клятвы. В нашем случае, когда хартия будет привезена византийскими послами на Русь, князь Игорь должен провести соответствующий обряд: **«призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и шить и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганыхъ Руси»** [7, С. 53]. Но как отмечается в тексте договора, на Руси уже есть христиане, которые тоже должны своей клятвой привести закон в действие (**«а хрестеяную Русь водиша роте в церкви святого Ильи ...»**) [7, С. 53]. Это может свидетельствовать о том, что главным гарантом соблюдения договора и наказания вследствие его нарушения является Бог.

Подытожим. Договор обретает свою легитимность только после того, как на двух договаривающихся территориях будет находиться хартия, а также принесена клятва населения Русской земли, как язычников, так и христиан. Причем каждая из сторон Руси приносит клятву на своем сакральном пространстве: христиане в церкви св. Ильи, а язычники на холме.

На данный момент можем отметить две оппозиции: одна внешняя – русские/византийцы, другая внутри Руси – язычники/христиане. Во всех этих и многих других оппозициях, как считает Трубачев, лежит главная культурная оппозиция своё – не своё (свой – чужой). Изначально «свои» – это люди ‘своего рода’, одной ‘свободы’ люди ‘понятно говорящие» [15, С. 247]. Еще одна особенность славянского местоимения «свой» заключается в «отсутствии оппозиции ‘коллективное’ – ‘индивидуальное’, то есть возможность говорить я – свой, ты – свой, мы – свой» [15, С. 230]. Подобная самоидентификация присуща всем культурам и обусловлена проблемой выживания. И как было сказано выше, два самых главных пункта выживания «своего» – это род и язык. Но иногда для выживания необходимо заключать союзы, и «чужой может восприниматься как враг, как чуждый, но может рассматриваться как партнер по контактам...» [16, С. 98].

Итак, в силу того, что договор свидетельствует о желании заключить мир («любовь»), можно понимать это как добровольное принятие «чужого» и попытка сделать его «своим». «Любовь» как соединение двух пространств (своего и чужого для каждой из сторон) в одно (свое), при этом религиозный принцип (различие в вере) оказывается не столь важным, «любовь» объединяет две различные территории на основе экономико-правового принципа,

представленного в договоре (как условия торговли, правила ее осуществления и наказания для нарушителей). Это позволяет нам говорить о пространстве договора, объединяющего разделенные сущности в некоторое единство на основе не названных прямо, представленных в договоре принципов.

В тексте договора часто употребляются местоимения «мы» (мы от рода Русаго), «наш» (великий князь наш Игорь) и «ваш» (въ страну царствия вашего). Данный документ представлен на двух хартиях: одна останется в Византии, а другую должны отвезти Киевскому князю. Однако для каждой стороны значение этих местоимений будет иметь противоположный смысл. Примечательно, что наличие хартии на территории (как своего рода артефакт) фиксирует договор в действительности.

В комментариях к ПВЛ Творогов О. В. отмечает, что «переводчики иногда забывали изменить местоимения, отсюда в тексте договоров в летописи ряд ошибочных употреблений местоимений, которые приходится исправлять по смыслу» [9, С. 429]. Но, несмотря на эту путаницу, зафиксировать само наличие разделения на «свой» и «чужой» можно.

После описания кары богов за нарушение «любви» договор продолжается подробным описанием экономико-правовых отношений между Русью и Византией. Начинается эта часть следующими словами: **«А великий князь Руский и бояре его да посылають въ Греки к великимъ царямъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...»** [7, С. 48]. Мы видим, что «легально» приехать в Византию можно только с разрешения князя и его бояр. Далее: **«ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же уведель есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ послы и гостье, да приносять грамоту, пишуче сице: яко «яко послахъ корабль селько»** [7, С. 48].

На момент договора 945 византийская власть требует грамоты, в которых написано количество и имена послов и купцов для того, чтобы обеспечить безопасность. Раньше, чтобы подтвердить свой статус, требовалась печать (в виде перстня), причем послы, князьи люди, имели золотые печати, а купцы – серебрянные. Возможно, это изменение было следствием роста грамотности и образованности на Руси, во всяком случае, несомненно, что письменная грамота – шаг вперед по отношению к печати.

Тех же, кто является без такой грамоты, говорится в договоре, будут брать под арест (при сопротивлении даже могут казнить без согласования с князем) и выяснять цель визита (**«да держимъ и хранимъ, дондеже възвестимъ князю вашему»**) [7, С. 48]. Итак, греки воспринимают князя как главу дружественного государства и на законных основаниях принимают послов и купцов, посланных только киевским князем и его боярами.

С одной стороны, русский князь и византийский царь – владельцы своей территории и только своей, с другой, – их люди являются частью территории, которой царь или князь владеет. И русский князь как гарант несет ответственность за своих людей даже на чужой земле: **«да запретить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья в селехъ, ни въ стране нашей»** [7, С. 48]. Несмотря на то, находится ли грек или русский на своей или на чужой территории, он все равно принадлежит лишь своему князю, и если найдут сбежавшего (или пропавшего), то обязательно должны вернуть «владельцу». В одном случае описывается запрет русскому князю наказывать греческих подданных: **«ци аще ключится проказа никака от Грекъ, сущихъ подь властью царства нашего, да не имать власти казнити я, но повеленьемъ царства нашего да приметъ, якоже будетъ сотвориль»** [7, С. 51]. В остальных же случаях (убийство, воровство) грек и русский наказываются одинаково и чаще всего на месте.

Далее оговариваются условия нахождения русских в Константинополе: **«и приходящимъ имъ да витають у святого Мамы, да послеть царство наше, да испишетъ имена ваша...»** [7, С. 48]. Т. е. приехавшие купцы и послы не могут жить нигде, кроме квартала монастыря святого Мамонта, местоположение которого вызывает споры у современных исследователей. Более того, имена всех проживающих должны быть зарегистрированы. Данная процедура позволяла фиксировать приезжих и выдавать им содержание: **«тогда возмуть месячное свое,**

сьли слєбное,, а гостєе месячное ...» [7, С. 49].

Данное обеспечение можно было брать лишь по старшинству городов, откуда прибыли послы и гости: **«первое от города Киева, паки изь Чернигова и ис Переяславля и ис прочих городов»** [7, С. 49]. Приведенные слова свидетельствуют о существовании строгой территориальной иерархии в Русском государстве и о неравном статусе городов на Руси, которая чтится даже в Византии.

Хочется отметить, что нет упоминания столь значительного города как Новгород. Это может быть связано с тем, что Новгород и близлежащие области, не относились к Русской земле в узком значении этого словосочетания.

Затем следует: **«Да входять в городь одинемнi вороты со царевымь мужемь безь оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имь надобе, и паки да исходять...»** [7, С. 49]. Отсюда мы видим, что русские в Византии размещаются за пределами города, т. к. в город им разрешается входить и выходить только через одни ворота. Но их маршрут не просто начерчен, но и контролируется со стороны «царева мужа», который следит за тем **«аще кто от Руси или от Грекъ створи криво, да оправляеть то»**[7, С. 49]. Атмосфера недоверия и напряженности присутствует в договоре, раз есть необходимость контроля. Но этот контроль также обеспечивает выполнение законов, очерченных в договоре, дабы лишний раз не обострять ситуацию.

Отметим, что количество мужей, которые могут входить в город, составляет 50, ровно такое же количество приехавших в Византию (послы и купцы) от Русской земли.

Итак, мы сталкиваемся с пространственным ограничением пребывания русских на Византийской земле. Единственным местом, где могут находиться (проживать), русские является окрестность собора св. Мамонта. В этом же случает и любое другое перемещение по городу должно быть осуществлено согласно установленному маршруту и под надзором. Можно даже предположить, что собор св. Мамонта это как часть «своего» пространства на дружественной «чужой» земле.

Далее **«входящее же Русь в градъ, да не творять пакости и не имеють волости купити паволокъ лише по 50 злотникъ; и от техъ паволокъ аще кто крьнеть, да показывають цареву мужу, и то е запечатаеть и дасть имь»** [7, С. 49]. Мы видим два правила, которые нужно соблюдать в городе – не творить «пакости» и не покупать паволоки дороже 50 злотников. Паволоки – единственный товар, который описывается в договоре. Цена и объем возможной покупки строго регламентируется, а все, что свыше нормы должно пройти так называемый таможенный контроль и быть опечатанным. Паволоки (шелк) оказывается стратегическим товаром, продажа которого регулируется правительством, вне зависимости от спроса и предложения или же по прихоти продавцов. Таким образом, пространство рынка (экономическое) и пространство государства связаны между собой. Итак, после вхождения в град мы наблюдаем уже другие нормы поведения: регламентация цен и правила торгов, которые относятся к пространству рынка.

Вслед за этим оговаривается процедура отъезда русских на родину: **«...всьимають от насъ еже надобе брашно на путь, и еже надобе лодьямь, якоже установлено есть преже, и да возвращаются съ спасениемь въ страну свою, и да не имеють власти зимовати у святого Мамы»** [7, С. 49]. Здесь можно отметить, что пребывание на чужой территории (Византии), помимо пространственного ограничения (нахождение только в квартале монастыря или церкви св. Мамы), предполагает и временные рамки, т. к. русские должны покинуть Византию до зимы.

Кроме паволок цена фиксируется еще на выкуп пленных: **«елико хрестеянъ от власти наша пленена приведуть Русь, ту аще будеть оуноша или девица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть ѱ; да аще есть средовеч, да вдасть золотникъ 8 и поимуть ѱ; аще ли будеть старь, или детещь, да вдасть златникъ 5»** [7, С. 50]. Во-первых, данный тезис относится к византийским пленникам-христианам. Во-вторых, среди пленных есть деление по возрасту (юноша, средний возраст и старец или ребенок) и по полу (юноша или девица). В то

время как для русских пленников в Византии названа только первая категория (10 злотников). Здесь можно отметить, что пространство Византии и пространство Руси рассматривается как дружественное и взаимопроникаемое. Пленные должны быть возвращены, но за фиксированный выкуп. Иногда даже, эти «договорные» цены призваны были избежать выкупа по более высокой рыночной цене, дабы облегчить возврат пленных на родину [14, С. 240].

Как отмечалось выше, пространство рынка и пространство государства связаны между собой. При этом с византийской стороны добавляется религиозная составляющая, так как речь идет о пленных христианах. Однако о вере русских пленных ничего не говорится, поэтому они могут быть отнесены под категорию «свои», что еще раз подчеркивает ее важность (не отрицая того, что «христиане» – «свои» для византийцев). Но соотношение рыночного (экономического) и государственного пространства в случае русского пленного иное: за него платят либо 10 злотников, либо, если он уже продан на рынке, ту цену, за которую он был продан. Здесь рыночное (экономическое) пространство оказывается выше государственного. Подробнее рассмотреть это здесь нет возможности – так как наша тема пространственное измерение в Киевской Руси, а не Византии.

Далее речь заходит о Корсунской земле: **«елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь Рускии, да воюеть на техъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ...»** [7, С. 50 – 51]. Это пример еще одной формы пространственного мышления, представленного в договоре – целостность Византийской территории, несмотря на ее отдаленность от основной части империи. Корсунская земля – часть Византии, расположенная на Крымском полуострове, соседствующая с русской. Обозначенная территориальная целостность обеспечивается введением политического и правового измерений. Итак, русский князь не имеет права там воевать, поскольку это византийская территория. При этом **«аще просить вои оу насъ князь Рускии, да воюеть, да дамъ ему еликл ему будетъ требе»** [7, С. 51]. Таким образом, стороны выражают условия взаимного поддержания, и если князь попросит оказать помощь, то византийский царь выделит ему корсунских людей. Если же на Корсунскую землю будут нападать черные булгары, **«и велимъ князю Рускому да ихъ не почаеть в пакость стране его»** [7, С. 51]. Пространство здесь мыслится политически и юридически, т. е. политические и правовые отношения находят свое выражение исключительно в пространственных категориях – обеспечения безопасности территории.

Особое внимание уделено прибрежному праву: **«аще обрящють Русь кубару Гречьскую въвержену на коемъ любо месте, да не преобидять ея. Аще ли от нея возьметъ кто что, ли человека поработить, или оубьеть, да будетъ повинень закону Руску и Гречьску»** [7, С. 51]. Если греческий корабль примкнет к русским берегам, то они не имеют право его грабить и брать пленных. Корабль рассматривается как часть греческого пространства (территории) и на нем действуют все те же законы, что и на Византийской земле.

Второй пункт прибрежного права: **«и да не имеютъ власти Русь зимовати въ вустьи Днепра Бельбережи, ни оу святого Ельферья, но егда придетъ осень, да идуць въ дома своя в Русь»** [7, С. 51]. Получается, что это тоже греческая территория или зависимая от Византийского государства, доступ к которой русским открыт лишь частично. Можно сказать, что данная территория становится дружественным пространством, но не «своим» в полной мере. Отметим также, что мы снова сталкиваемся с временным ограничением пребывания на византийском пространстве.

Из анализа русско-византийского договора можно сделать следующие выводы:

- Хотя в тексте договора не встречается прямого указания на категорию «пространство», тем не менее, он позволяет нам вычленить проявление пространственного мышления. Однако характерные черты пространства в русско-византийском договоре существенно отличаются от современного (абстрактное, трехмерное, протяженное) понимания пространства.

- Для того, чтобы представить специфические черты «пространства» договора, нам пришлось разделить его на составные компоненты, соответствующие современному мышлению (представлению), но в самом договоре эти компоненты даны в единстве, и все эти

части лишь стороны одного целого. Однако части этого целого не равноценны по значимости.

•Первым и главным принципом деления пространства (и всего окружающего) оказывается категориальное деление «свой/чужой». Можно даже сказать, что подобное деление – это универсальное архаическое деление пространства. Деление на свой и чужой является фундаментальным и наиболее общим. Каждое последующее деление пространства будет в себе содержать и базироваться на категории свой/чужой.

•Деление на язычников и христиан имеет непосредственное воплощение в пространстве. Так как на Русской земле есть как христиане, так и язычники, у каждой из этих групп существует свое (свой) сакральное пространство, только внутри которого они приносят клятву. Следовательно, те или иные места (обычного географического пространства) обладают большей или меньшей сакральностью, по мнению авторов договора, таким образом, выделяя наличие представленного в тексте религиозного пространства, мы одновременно должны отметить его неоднородность. При этом религиозный аспект (религиозная составляющая пространства) оказывается одним из самых важных, так как именно Бог выступает, во-первых, гарантом выполнения договора, и во-вторых, организатором всего пространства.

•Географическое пространство в обычном смысле обозначается указаниями на стороны света (север/юг), и характер существования (море/суша и т. д.). Тут стоит отметить, что вещи или люди, находящиеся на суше, в море или любом другом географическом пространстве, рассматриваются в неотъемлемом единстве с другими компонентами единого пространства или другими его сторонами – религиозным, политическим и т.д., так как они определяются своей принадлежностью к религиозному, политическому пространству.

•Пространство политическое представлено в договоре двумя государственными территориями: Византией и Русской землей. Договор заключается между двумя этими странами, и тем самым включает в себя пространство международных отношений. Киевский князь и византийский император(ы) считаются владельцами своей территории, а их люди, независимо от места их пребывания, рассматриваются как часть территории, которой владеет князь/император. Отношения между государствами напрямую определяют политический статус некоторых территорий, наделяя их измерением политического пространства (особый статус Корсунской земли, запрет русским зимовать в устье Днепра). Специфика внутривнутриполитического пространства определяет разный статус русских городов. В свою очередь иерархия городов будет влиять на социальный статус гостя (представителя конкретного города), а это – напрямую на его место на рынке.

•Экономическое пространство представлено в договоре прежде всего как пространство рынка. Кроме уже указанной зависимости места на рынке от социального статуса, следует указать на еще некоторые черты этого пространства. Прежде всего – на выделение отдельных товаров, имеющих стратегическую ценность как в политическом, так и в социальном и в религиозном плане. В частности, в договоре упомянуты в качестве строго фиксированных две цены: цена на паволоки (шелк) и на рабов (выкуп пленных). В обоих случаях цена регулируется государством, а не спросом или желанием владельца. При этом цена на пленных христиан отличается от цены на не-христиан. Здесь мы опять видим, как тесно различные пространства (экономическое, политическое, религиозное) связаны между собой.

•Пространство социальных отношений представлено в договоре иерархией русских князей, который получает свое отображение в статусе гостей – послы/купцы не равны между собою, а подразделяются в зависимости от того, какой город и какого князя они представляют. Кроме этого, к социальному измерению пространства, на наш взгляд, следует отнести указание на меры по обеспечению безопасности: – вход и выход через одни ворота, нахождение русских на территории собора св. Мамонта и нахождение в городе, на рынке под специальным надзором. По нашему мнению, речь в договоре идет не о возможности политической угрозы сор стороны русских гостей/купцов, а об обеспечении спокойствия в социальном отношении – между купцами и жителями столицы.

•Отметим, что договор в тексте неоднократно обозначается термином «Любовь», который

следует толковать в первую очередь как указание на возможность соединения двух «чужих» (разных) пространств в одно «свое». Чрезвычайно важно отметить, что эта «любовь» позволяет двум различным территориям объединиться на основе прежде всего правовых отношений и экономико-правового принципа, который получает свое ясное выражение в договоре. Пребывание русских в византийском государстве территориально оно становится возможным, несмотря на различие в вере, за счет экономической выгоды для обеих сторон и готовности их следовать определенным нормам.

Тем самым, можно сделать **вывод**, что фундаментальная пространственная категория «свой/чужой» (охватывающая и пронизывающая религиозное, политическое и социальное измерения) оказывается способна частично переводить те или иные реалии из категории «чужой» в категорию «свой» на основе правового и экономического измерений, не теряя при этом своего фундаментального статуса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Все цитаты приведены с Лаврентьевского списка ПСРЛ, Т. 1. И цитируются в адаптированном варианте.

В оригинальном тексте видно, что это скорее всего разные Улебы, т. к. первый – Оулебь, а второй – Улебеле.

В 944 году императором Византии был Роман I Лакапин, который захватил власть, исполняя обязанности регента молодого императора Константина VII Багрянородного. Стефан же – средний сын Романа, но поскольку его первенец умер в 931, то Стефан стал первым в линии наследования. Итак, мы снова видим перечисление по значимости фигур.

Как отмечает Толочко, список послов и купцов более надежен в Лавр. списке, нежели в Ипат. В Ипат. Летописи насчитывается 51 имя: «пропущен Прастен, представлявший некоего Берна, но добавлены два добольнительных Турберна и один Улеб, а имена Свена и Стира переданы как одно – «Свенстир». Однако в Лавр. списке пропущено имя князя, отправившего в посольство некоего Сфирку (22)» [14, С. 276 – 277].

Мы не будем рассматривать вопрос о том, кого называли русскими. Но отметим, что Ключевский В. О., например, считает, что с 8 – 13 вв. масса русского населения сосредотачивалась на среднем и верхнем Днепре. Русь была разбита на отдельные обособленные области, политическим и экономическим центром которой был большой торговый город [6, С. 23]. А Данилевский И. Н. утверждает, что «летописцы 11 – 13 вв. относили к Русской земле Киев, Чернигов, Переяславль, на левом берегу Днепра Городец Остерский, на правом и далее на запад Вышгород, Белгород, Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев... и др» [5, С. 208].

Здесь также можно отметить наличие временного пространства.

«присягать, клясться», от «рота» - клятва, присяга [Полный церковно – славянский словарь протоиерей. 11, С. 557].

Интересно, что в конце договора византийцы клянутся церковью святого Ильи. В Памятниках права Киевского государства отмечается, что «очевидно, имеется в виду патрональная церковь русских в Царьграде (находилась на Золотом Роге), помещенная летописцем по недоразумению в Киев» [10, С. 50].

«* *svoboda* – как принадлежность к кругу своих, к своему роду...» [15, С. 230].

Во 2 изд. ПСРЛ после употребления местоимений «наш», «ваш» и др. стоит сноска и внизу указывается противоположное значение.

В первом вып. Памятники права Киев. госуд. 10 – 12 вв. отмечается, что монастырь св. Мамонта находится в предместье Царьграда [10, С. 43]. А. П. Толочко насчитывает три (два из них в пределах города и лишь один за его пределами) возможных монастыря Мамонта в византийском Константинополе и отмечает, что вариант расположения монастыря за городскими стенами несостоятелен, хоть и привлекал к себе вследствие атмосферы подозрительности византийцев к русским. Но, по мнению Толочко, это сделало бы крайне

неудобным процесс торговли, т. к. купцам с товаром приходилось бы проходить ок. 9 км только в одну сторону [14, С. 260 – 264].

Слебное – содержание, шедшее русским послам в Царьграде от византийского правительства [10, С. 43].

Месячина – содержание, выдаваемое на месяц Византией русским торговцам в течении шести месяцев их пребывания в Царьграде [10, С. 43].

Толочко считает, что «впечатление об их (городов) иерархии могло возникнуть не ранее легендарного «завещания Ярослава Мудрого», а еще точнее – последующей практики трех старших Ярославичей, распределивших после смерти отца княжеские столы...» [14, С. 273].

Как отмечает Толочко А. П., шелк был не просто дорогим товаром, но с ним были связаны представления о власти и престиже. «Шелк был главным средством визуализации богатства и могущества Византии...». «Шелк считался особенностью и привилегией ромеев над всеми другими народами...» [14, С. 253].

Скорей всего, как считает Толочко, после серьезного поражения руссов при набеге на Константинополь в 941 г. , было схвачено много военных на поле боя. Именно поэтому среди них нет женщин и детей [14, С. 241].

Принято считать, что остров святого Елферья (Еферья, Евферья) (так называли этот остров византийцы) это современный остров Березань, что в 8 км. от г. Очаков Николаевской области в Украине. Также украинский историк и археолог Сапожников И. В. отмечает, что данный остров служил остановкой (привалом) для русской дружины во время своих походов на Византию древним путем «из варяг в греки» [13, С. 10].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алешковский М. К. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. – М.: «Наука», 1971. – 136 с.
2. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. – М.: Изд.-во АН СССР, 1963. – 377 с.
3. Гоббс Т. Левиафан // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Издательство «Мысль», 1991. – С. 6 – 544.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Т. 2.: Средневековый мир – М. – СПб.: Университетская книга, 1999. – 560 с.
5. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
6. Ключневский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 2х книгах. Кн. 1. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 735 с.
7. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. – 2-е изд. – Ленинград: Издадельство Акад. Наук СССР, 1926. – 286 с.
8. Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // ПВЛ. Ч. 2. Приложения. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – С. 5 – 148.
9. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / сост. и общая ред. Д. С. Лихачева. – М.: «Худож. лит.», 1978. – 413 с.
10. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. — 287 с.
11. Полный церковно-славянский словарь / ред. свящ. Магистр Григорий Дьяченко, 2011. – 1168 с.
12. Приселков М. Д. Очерк по церковно-политической истории Киевской Руси X – XII вв. – СПб.: «Наука», 2003. – 246 с.
13. Сапожников И. В. Штурм острова Березань чорноморськими козаками. – Київ-Іллічівськ: «Елтон-2» - «Гратек», 2000. – 128 с.
14. Толочко А. П. Очерки начальной руси. – Киев; СПб.: Лаурус, 2015. – 336 с.

15. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 2003. – 489 с.
16. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. – изд. 2-е, доп. – М.: КомКнига, 2005. – 280 с.
17. Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. – СПб.: «Наука», 2002. – 486 с.
18. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1940. – 150 с.

Білянська Олена Юріївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри культурології факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

УДК 141.7: 316.7(477)

ФІЛОСОФСЬКІ АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ДИНАМІКИ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

У статті аналізуються філософські аспекти проблеми соціокультурної динаміки сучасного українського суспільства на основі філософських поглядів М. Бердяєва. Поняття культура у філософа виводиться за допомогою понять «дух» та «об'єктивація». Існує протиріччя між особою, культурою та тими цінностями, що вона виробляє та зберігає. Культура нерозривно пов'язана із творчістю. Саме творчість є тим шляхом, на якому можливе вирішення протиріч між особою та культурою.

Ключові слова: особа, культура, суспільство, творчість, християнство.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируются философские аспекты проблемы социокультурной динамики современного украинского общества на основе философских взглядов Н. Бердяева. Понятие культура у философа выводится при помощи понятий «дух» и «объективация». Существует противоречие между личностью, культурой и теми ценностями, которые она производит и сохраняет. Культура неразрывно связана с творчеством. Именно творчество является тем путем, посредством которого возможно разрешение противоречия между личностью и культурой.

Ключевые слова: личность, культура, общество, творчество, христианство.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF CONTEMPORARY UKRAINIAN SOCIETY

It is analysed in the article the philosophical problem of culture as factor of Ukrainian society's integration on the basis of N. A. Berdiaev's views. The philosopher's concept «culture» is derived by means of concept «spirit» and «objectivation». There is a contradiction between personality, culture and those values it produces and saves. There are indissoluble ties between culture and creation. It is the creation which is the way that gives the opportunity to solve contradiction between personality and culture.

Key words: personality, culture, society, creation, Christianity.

У сучасному європейському світосприйнятті велике значення відіграє процес пізнання та осмислення того соціокультурного динамізму, який став основою формування нової соціальної та духовної реальності. Важливу роль у цьому процесі завжди відігравали філософія та логіка, одним із гідних представників якої був професор Одеського національного університету Авенір Іванович Уйомов. Його філософська спадщина надала